

**РУМОРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВОСХОДЯЩЕГО И КУЛЬМИНАЦИОННОГО ЭТАПОВ
РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1905–1907 ГОДОВ
В ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ**

С.В. Лавриков

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

© Лавриков С.В., 2026

DOI: 10.46573/2409-1391-2026-1-46-52

***Аннотация.** В статье на основе неопубликованных и опубликованных источников рассмотрена роль слухов в Тверской губернии на начальных этапах революционного кризиса 1905–1907 годов. Проанализированы процессы появления слухов, их содержание, степень влияния, реакция на них местных властей и широких слоев населения. Подробно исследован фактор устной неформальной коммуникации в ходе октябрьских погромов и столкновений. Сделан вывод о том, что слуховые коммуникативные практики являлись одним из значимых факторов социально-политической динамики в революционную эпоху.*

***Ключевые слова:** слухи, руморология, революционный кризис 1905–1907 годов, массовое сознание революционной эпохи, октябрьские столкновения 1905 года, история Тверского края.*

Масштабные социальные потрясения, переломные эпохи могут быть поняты лишь с позиций многофакторного подхода, учитывающего как макроисторические процессы объективного характера, так и микроисторические явления субъективного порядка. К числу последних можно отнести такой феномен общественно-политической жизни, как слухи, представляющие собой систему коммуникаций, которая существует параллельно с официальными источниками. Слух обычно определяется как массово распространяющаяся, обычно недостоверная информация, передающаяся исключительно в устной форме. Как отмечалось на конференции «Слухи в России XIX–XX веков: неформальная коммуникация и “крутые повороты” российской истории» (Москва, 2009 год), они «служат одним из многочисленных инструментов для интерпретации группового поведения, процессов формирования идентичности, индикатором политической культуры и системы взаимоотношений “власть – общество”» [17]. Исследование руморологического материала (от англ. rumour – слух, молва) открывает новые познавательные возможности для объяснения особенностей массового сознания, ментальности, системы представлений и ценностей «низов» общества. В связи с этим в настоящей публикации предпринята попытка рассмотреть роль слухов в социально-политических процессах, разворачивавшихся в Тверской губернии на начальных этапах революционного кризиса 1905–1907 годов.

В период с января по сентябрь 1905 года выявлено восемь случаев распространения слухов в губернии. Причем среди них практически не зафиксировано слухов, относящихся к внутри- и внешнеполитическим событиям общероссийского масштаба. В сфере неформальной коммуникации фактически не нашли отражения факты, касавшиеся «кровавого воскресенья», забастовок, громких терактов, восстания

на броненосце «Потемкин», а также сражений русско-японской войны, подписания Портсмутского мира и др. С точки зрения общего содержания большая часть местных слухов относилась к православно-религиозной тематике и была связана с угрозой уничтожения храмов, что, вероятно, отражало наиболее распространенные общественные страхи, навеянные беспокойной революционной обстановкой. Первые слухи такого рода появились в середине марта в революционно настроенном Новоторжском уезде «среди фабрично-заводского населения». Согласно «слуховой» информации «у Николо-Пустыновской церкви была наклеена прокламация», в которой говорилось, что в «один из ближайших праздников произойдут взрывы в четырех церквях: Николо-Пустыновской, Бараньегорской, Пречисто-Каменской и фабричной». В полицейском сообщении отмечалось, что данный слух стал распространяться «со времени» появления в д. Тарасково Тысяцкой волости бывшего учителя Хрусталева (осуществлявшего революционную агитацию среди крестьян – С.Л.), а «дознание» установило, что «бумаг и писем» не было [9, с. 42].

Похожие по содержанию слухи циркулировали в уезде до конца месяца. 28 марта жандармский унтер-офицер сообщил в Тверское губернское жандармское управление, что среди населения Новоторжского уезда «упорно распространяется слух» о появлении во многих местах писем, предупреждающих о взрывах церквей в праздник Пасхи. «Несмотря на нелепость этих слухов, – подчеркивалось в донесении, – многие им верят» [12, с. 18].

Буквально в это же время, 28 и 29 марта, сходные «слухи-пугало» охватили г. Корчеву. На уровне молвы утверждалось, что «на квартиру страхового агента подброшено письмо», сообщающее, что 17 апреля 1905 года в Корчевском Воскресенском соборе будет взрыв, от «которого он взлетит на воздух». Автор репортажа епархиальному начальству священник Д. Кузнецов, характеризуя степень влияния этого слуха, заметил, что «наиболее благоразумные этому не верят» [3, с. 125]. Летом центром распространения пугающих слухов стал г. Торжок. 11 июня во время праздника в Борисоглебском монастыре, на котором присутствовало около 15 тыс. богомольцев, за стенами обители разошелся слух, посеявший панику среди собравшихся, о том, что «в монастыре будут брошены бомбы» [1, с. 33].

Хотя рассмотренные слухи и не содержали указаний на конкретных злоумышленников, можно предположить, что в фабрикациях и распространении подобных кривотолков могли быть заинтересованы как революционные, так и правоконсервативные политические силы. Первые использовали устную коммуникацию для антирелигиозной пропаганды, вторые – для активизации контрреволюционных настроений, формирования благоприятной психологической почвы для погромной агитации.

Явно политические интересы просматриваются в г. Ржеве, где 18 февраля распространилась неформальная информация о том, что 20 февраля «взорвут каток и все находящиеся там погибнут». В этот день на катке должны были собраться известные своими революционными настроениями гимназисты, и очевидно, что политические противники с помощью устрашающего слуха попытались предотвратить это мероприятие или существенно сократить число его участников [12, с. 11].

Появлению слухов могла способствовать печатная агитация левых партий. По донесению тверского полицмейстера, разбросанные 20 и 21 августа на фабрике Товарищества Тверской мануфактуры листовки местных социал-демократических и эсеровских групп с призывами к стачкам породили слухи о том, что «агитаторы» после

получения заработка будут требовать прекращения работы, а женщины, не бросившие работу, будут избиты [18].

Возможно, определенную политическую подоплеку имели слухи, появившиеся во второй половине марта в Вышневолоцком уезде, о готовящихся погромах. По слухам, 17 марта в с. Троица Удомельско-Рядской волости крестьяне должны были устроить разгром торговцев. Похожие беспорядки произойдут и 23 марта в с. Котлованы Кузьминской волости на ярмарке. Слух породили, как выяснили жандармы, подброшенные на станцию Удомля письма [11, с. 70].

Информацию о слухах власти получали и от добровольных осведомителей. Один из них, крестьянин Прямухинской волости д. Коростково П.Ф. Селезнев, систематически оповещавший начальство о фактах революционной деятельности, донес в конце марта полицейскому уряднику на жителя с. Прямухино Карганова, распространявшего слух о своем намерении поехать в «Санкт-Петербург в Императорский дворец» [9, с. 59].

Более значимую роль слухи, фактически заменившие и бездействующий телеграф, и выходившие с перебоями газеты, стали играть на кульминационном этапе революционного процесса в условиях высокой политизации общества. Наиболее ярко на местном уровне это проявилось в погромных событиях октября 1905 года.

Слухи могли служить поводом для возникновения беспорядков. В Твери накануне разгрома губернской земской управы в трактирах и лавках циркулировал слух о том, что «на Почтовой площади (где располагалась управа – С.Л.) полиция просит у мужичков подмоги, так как в управе что-то случилось». На самой площади один из участников будущего погрома уверял прохожих в том, что в управе разорван портрет государя [6, с. 49].

В ходе погрома слуховые практики выступали средством оправдания действий погромщиков. 17 октября в разгар погрома в Твери прошел слух о том, что приехавший на площадь и спустя некоторое время покинувший ее губернатор П.А. Слепцов сказал: «Расправляйтесь сами с забастовщиками» [6, с. 54 об.]. Передаваемая на уровне слухов искаженная информация активизировала действия громил. После отъезда губернатора «распространился слух, что из управы собравшиеся там забастовщики стреляли в народ и есть убитые (из здания управы действительно было произведено несколько выстрелов, но огонь не велся на поражение – С.Л.). Возбужденная таким известием толпа бросилась к управе, разбила камнями несколько окон и, разделившись на три части, начала осаждать вход в управу и два входа во двор» [10, с. 8].

Пытались погромщики использовать нелегитимную информацию и для привлечения на свою сторону военнослужащих. Прибывшим к месту погрома драгунам они говорили: «Пойдемте вместе избивать крамольников – они разорвали портрет царя» [6, с. 167]. Как показывал позднее командовавший в тот день драгунами ротмистр Н.Я. Дирин, из толпы слышались возгласы: «Царское войско и спасает подлецов, идущих против царя, рвущих его портреты, требующих “свободы”, мы им дадим свободу» [4, с. 50].

Следует заметить, что некоторые полицейские чины вполне доверительно относились к слухам об уничтожении в земстве царского портрета, а это, в свою очередь, способствовало их пассивному поведению в ходе погрома. Из свидетельских показаний на суде стало известно, что в полицейском управлении один из стражей порядка говорил: «Это верно, что маленький портрет государя императора в земской управе разорван» [8, с. 167 об.]. Избитому в день погрома земскому служащему В.А. Успенскому конвоировавший его в участок городской говорил: «Вот управцы,

дождались, что вас побили и за дело. Не рвите портрет государя императора, не кричите долой государя» [4, с. 45].

В толпе зевак, наблюдавших за происходящим со стороны, также циркулировали фантастические слухи, обеспечивавшие их симпатии громилам. Делопроизводитель Крестьянского банка Н.Н. Петров, характеризуя настроения «зрителей» погрома, отмечал: «Прочая же публика, мелкие ремесленники, торговцы и т.п. выражали сочувствие тому, что происходит, и говорили, что в управе хотят долой царя, а на место его какого-то Конституция, который опять введет крепостное право» [7, с. 14 об.].

Слухи также определяли действия черносотенцев в с. Кимры. 23 октября, уже в ходе начавшегося погрома, пущенный кем-то слух о нахождении «крамольников и мятежников» в Черниговской гостинице привел к нападению разъяренной толпы на это здание. Полному разгрому гостиницы помешали лишь действия боевой рабочей дружины, обстрелявшей громил из пистолетов [21, с. 6]. В г. Ржеве, охваченном 25 октября погромными беспорядками, среди черносотенцев распространились слухи о том, что в земской управе разорван портрет царя. Удостоверившись в ложности этого слуха, черносотенцы тем не менее не успокоились, а попытались напасть на магазин Селиванова, но, встретив отпор полиции, обрушили свой гнев на еврейские магазины [19, с. 62]. Позднее в городе ходили слухи о том, что погром был подготовлен городским головой А. Чураковым, который вызвал для участия в нем сорок погромщиков, освободившихся после погрома в Великих Луках [20].

Массовая устная коммуникация угрожающего характера не только сопровождала погромные беспорядки, но и во многом определяла течение общественно-политических событий в первые дни после октябрьских столкновений и погромных эксцессов. В Твери, «по слухам, в воскресенье на Почтовой площади, – вспоминал местный социал-демократ А.И. Буланов, – должен был служить молебен какой-то “чудотворной” иконе, (кто-то – С.Л.) из попов скажет проповедь, направленную против евреев, а переодетые полицейские и шпионы поведут толпу, собравшуюся на богомолье, громить евреев. Назначен был день и час погрома» [13, с. 9]. На заседании губернского земского собрания отмечалось, что «на другой день (18 октября – С.Л.) поползли небезосновательные упорные слухи о возможном разгроме (земской – С.Л.) больницы». Большинство больных, включая недавно прооперированных, постаралось покинуть лечебницу. Родильное отделение покинули все «родильницы» [14, с. 17]. В Вышнем Волочке на следующий день после столкновения революционной и монархической демонстраций распространялись слухи о подготовке черносотенцами избиения зачинщиков демонстрации. Монархистам удалось на некоторое время запугать активистов оппозиции. По воспоминаниям П. Михайленко, «... по городу ходить было небезопасно, а поэтому, пока улягутся страсти, все активные участники демонстрации по вечерам из домов не выходили, боясь подвергнуться избиению» [16, с. 36]. Параллельно имели хождение и контрслухи о том, что «агитаторы» планируют организовать беспорядки и грабежи [12, с. 78 об.] Очевидно, что первый слух отражал тревоги революционно-демократической части населения, второй – монархически настроенных граждан.

Расширение руморологических структур наблюдалось даже в населенных пунктах, избежавших каких-либо массовых беспорядков в «дни свободы». В г. Торжке, где в октябрьские дни монархисты перехватили инициативу и демократические силы отказались от каких-либо активных выступлений, тем не менее появились слухи о готовящемся разгроме земской управы и больницы. О том, что эти слухи воспринимались как показатель реальной угрозы, свидетельствовало повальное бегство

из города евреев, а для недопущения беспорядков планировалось привлечь войска. В г. Старице, по данным уездного исправника, ходили слухи о том, что 25 и 26 октября, во время призыва новобранцев, будут беспорядки с грабежом намеченных евреев и купцов. Старицкий городской голова и гласные городской Думы попросили губернатора «ввиду слухов о погроме» 1 ноября, после ухода 288 батальона, прислать эскадрон драгун [5, с. 12]. «Погромная» угроза в Старице, скорее всего, не имела отношения к политике, а отражала опасения по поводу пьяных дебошей, устраиваемых новобранцами. Однако, вероятно, подобные слухи во многом были навеяны общей тревожной атмосферой октябрьских дней.

Тревожные слухи заставили органы местного самоуправления принимать соответствующие меры. В городскую думу обратились 57 жителей Твери. Они потребовали организовать защиту горожан собственными силами. «При этом, – подчеркивалось в петиции, – необходимо приступить к этой организации немедленно, не теряя минуты, т.к. весь город охвачен паникой, заставляющей многих бежать и скрываться, а черная сотня совершенно открыто укрепляется и намечает жертвы и дома». Принятое на чрезвычайном заседании думы постановление, помимо прочего, включало следующую информацию: «Пункт 4. С целью опровержения распространившихся по городу слухов расклеить объявления, в которых сообщить: 1) По удостоверению Начальника губернии, прокурорского надзора, следователя по важнейшим делам Святая икона и портрет Государя императора в помещении управы оказались совершенно невредимы и на своих местах. 2) До сих пор никто не заявил о получении огнестрельных ран 17.10. <...> 5) Лица, распространяющие слухи, будут преследоваться законным порядком» [4, с. 3–3 об.].

Массово распространявшаяся информация о возможных погромах стимулировала создание сил самообороны. В губернском центре задачу формирования подобных структур взяли на себя левые силы. Как вспоминал социал-демократ Н. Лебедев, «после погрома стали «зловеще циркулировать слухи о готовящемся еврейском погроме. Нашей организацией были приняты срочные меры к тому, чтобы предупредить этот погром, а в случае его возникновения дать надлежащий отпор громилам. С этой целью была организована боевая дружина, назначено постоянное дежурство в городе, а в дни, когда больше всего можно было ожидать погрома, вся боевая дружина, разбитая на небольшие группы, занимала заранее определенные посты в различных наиболее опасных пунктах. Благодаря такой организации дела, черносотенцы... претрусили и больше никаких активных выступлений не делали» [15, с. 189]. В г. Бежецке группа работников клуба решила создать в городе вооруженную милицию «ввиду погромов в других городах и слухов в городе о готовящемся погроме». Заявление бежечан поступило в городскую управу, однако эта инициатива не нашла поддержки, но, по решению уездного исправника, в городе были расклеены объявления, в которых утверждалось, что «беспорядки будут подавляться всеми средствами» [2, л. 44–44 об., 45, 47].

«Погромная» молва оказалась наиболее устойчивой в г. Старице, где, как уже отмечалось, она была вызвана опасениями беспорядков, устраиваемых призывниками и их родственниками. 30 ноября старицкий уездный исправник сообщил губернатору о распространении в городе слухов, в соответствии с которыми новобранцы 5 и 7 декабря намереваются «произвести погром». Эти слухи беспокоили горожан вплоть до конца первой декады декабря, пока они не были опровергнуты ходом событий. 9 декабря исправник доложил губернатору о том, что «разбивка» (т.е. распределение призывников по конкретным воинским частям – С.Л.) прошла нормально [5, с. 66].

Завершая рассмотрение неформальных слуховых коммуникативных практик, можно констатировать, что они являлись одним из значимых факторов социально-политической динамики в революционную эпоху. На первом этапе революционного процесса (относительно спокойном) преобладали слухи, связанные с боязнью взрывов церковью во время религиозных праздников. Часто слухи содержали отсылку к неким печатным источникам (воззваниям, письмам, прокламациям), что повышало степень доверия к ним. На кульминационном этапе революционного кризиса роль устно распространяющейся информации значительно возросла. Слухи выступали поводом для возникновения и продолжения погромных беспорядков, они служили средством коммуникации внутри погромных толп, обоснованием действий погромщиков. В первые дни после погромов и столкновений тревожная молва отражала страхи, связанные с угрозой повторения этих эксцессов. В некоторых городах «слухи-тревоги» стимулировали создание сил самообороны. Местная администрация старалась держать в поле зрения сферу массовой устной коммуникации. Сам факт попадания сведений о слухах в полицейские и жандармские сводки свидетельствовал о том, что власти серьезно относились к такой информации, рассматривали ее как потенциальную угрозу общественному спокойствию, принимали меры для недопущения дестабилизации общественно-политической обстановки.

Библиографический список

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 12608.
2. ГАТО. Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 19713.
3. ГАТО. Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 20310.
4. ГАТО. Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 20320.
5. ГАТО. Ф. 56 (Канцелярия тверского губернатора). Оп. 1. Д. 26899.
6. ГАТО. Ф. 639 (Судебный следователь тверского окружного суда по важнейшим вопросам). Оп. 4. Д. 14.
7. ГАТО. Ф. 639 (Судебный следователь тверского окружного суда по важнейшим вопросам). Оп. 4. Д. 15.
8. ГАТО. Ф. 639 (Судебный следователь тверского окружного суда по важнейшим вопросам). Оп. 4. Д. 19.
9. ГАТО. Ф. 813 (Новоторжское уездное полицейское управление). Оп. 3. Д. 812.
10. ГАТО. Ф. 927 (Тверское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 777.
11. ГАТО. Ф. 927 (Тверское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 783.
12. ГАТО. Ф. 927 (Тверское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 801.
13. Буланов А.И. Воспоминания о революционном движении в Твери и Тверском уезде с 90-х гг. XIX в. до 1906 г. // Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 114. Оп. 2. Д. 17.
14. Журналы Тверского очередного губернского земского собрания сессии 1905 года и чрезвычайного 10–11 апреля 1906 года и приложения к ним. Тверь: типография губернского земства, 1906. 443 с.
15. Лебедев Н. Октябрь 1905 года в Твери // Спутник коммуниста. 1923. № 1. С. 188–193.
16. Михайленко П. Октябрьские дни в Вышнем Волочке // Спутник коммуниста. 1925. № 21–22. С. 35–36.
17. Никонова О.Ю. Конференция «Слухи в России XIX–XX веков: неформальная коммуникация и “крутые повороты” российской истории» (Москва, ИНИОН РАН, 1–2 октября 2009 г.). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo>

/2010/2/konferenciya-sluhi-v-rossii-xix-xx-vekov-neformalnaya-kommunikaciya-i-krutye-povoroty-rossijskoj-istorii.html (дата обращения: 18.02.2023).

18. Революция 1905–1907 гг. в провинции (по материалам Тверской губернии). URL: <https://historyrussia.org/tsekh-istorikov/monographic/revolyutsiya-1905-1907-gg-v-provintsii-po-materialam-tverskoj-gubernii.html> (дата обращения: 18.02.2023).
19. Ржев в 1905 году: сборник, посвященный 20-летию юбилею событий 1905 г. в г. Ржеве и уезде. Ржев: Ржевский уком РКП (б), 1925. 118 с.
20. Ржевская мысль. 1906. 19 ноября. № 6.
21. Столяров А.С. Летопись событий с. Кимры Тверской губернии. М.: А.С. Столяров, 1906. 21 с.

**RUMOROLOGICAL ASPECTS
OF THE RISING AND CULMINATING STAGES
OF THE REVOLUTIONARY CRISIS 1905–1907
IN TVER PROVINCE**

S.V. Lavrikov

Tver State Technical University, Tver

***Abstract.** The article, based on unpublished and published sources, examines the role of rumors in the Tver province at the initial stages of the revolutionary crisis of 1905–1907. The process of appearance of rumors, their content, degree of influence, reaction of local authorities and the general population to them is analyzed. The factor of oral informal communication during the October pogroms and clashes is investigated in detail. It is concluded that auditory communication practices were one of the significant factors of socio-political dynamics in the revolutionary era.*

***Keywords:** rumors, rumorology, the revolutionary crisis of 1905–1907, the mass consciousness of the revolutionary era, the October clashes of 1905, the history of the Tver territory.*

Об авторе:

ЛАВРИКОВ Сергей Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры психологии, истории и философии, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Россия; e-mail: lavrikov@list.ru

About the author:

LAVRIKOV Sergey Vyacheslavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russia; e-mail: lavrikov@list.ru